

Содержание

Часть I

<i>Глава 1</i>	
<i>Отъезд</i>	11
<i>Глава 2</i>	
<i>Ожог</i>	21
<i>Глава 3</i>	
<i>Общага</i>	27
<i>Глава 4</i>	
<i>Жайлау</i>	38
<i>Глава 5</i>	
<i>Цепная реакция</i>	52
<i>Глава 6</i>	
<i>Папина родня</i>	59
<i>Глава 7</i>	
<i>Мясо</i>	71
<i>Глава 8</i>	
<i>Айка</i>	78
<i>Глава 9</i>	
<i>Свои</i>	82
<i>Глава 10</i>	
<i>День рождения</i>	93
<i>Глава 11</i>	
<i>Казахская дискотека</i>	101
<i>Глава 12</i>	
<i>Лужа</i>	107
<i>Глава 13</i>	
<i>Знакомство</i>	111

<i>Глава 14</i>	
<i>Заживем</i>	118
<i>Глава 15</i>	
<i>Ильгам</i>	125
<i>Глава 16</i>	
<i>Пальто</i>	128
<i>Глава 17</i>	
<i>Праздники</i>	131
<i>Глава 18</i>	
<i>Увольнение</i>	135
<i>Глава 19</i>	
<i>Каникулы</i>	137
<i>Глава 20</i>	
<i>Ларек</i>	146
<i>Глава 21</i>	
<i>Тараканы</i>	151
<i>Глава 22</i>	
<i>Любовь — это</i>	157
<i>Глава 23</i>	
<i>Тишина</i>	164
<i>Глава 24</i>	
<i>Фотография</i>	170
<i>Глава 25</i>	
<i>Свобода</i>	179
<i>Часть II</i>	
<i>Глава 1</i>	
<i>Возвращение</i>	185
<i>Глава 2</i>	
<i>В бане</i>	189
<i>Глава 3</i>	
<i>Встречи</i>	193
<i>Глава 4</i>	
<i>Стеснение</i>	204
<i>Глава 5</i>	
<i>Нравится — не нравится</i>	208

<i>Глава 6</i>	
<i>Ночная вылазка</i>	215
<i>Глава 7</i>	
<i>Учительница</i>	221
<i>Глава 8</i>	
<i>Мятная жвачка</i>	229
<i>Глава 9</i>	
<i>Переезд</i>	238
<i>Глава 10</i>	
<i>Усталость</i>	243
<i>Глава 11</i>	
<i>Мечты</i>	246
<i>Глава 12</i>	
<i>Дурная весть</i>	251
<i>Глава 13</i>	
<i>Прописка</i>	254
<i>Глава 14</i>	
<i>Отцы и дети</i>	259
<i>Глава 15</i>	
<i>Леденцы</i>	263
<i>Часть III</i>	
<i>Глава 1</i>	
<i>В Алматы</i>	269
<i>Глава 2</i>	
<i>Амир и Дамир</i>	275
<i>Глава 3</i>	
<i>Тате</i>	278
<i>Глава 4</i>	
<i>Клуб</i>	285
<i>Глава 5</i>	
<i>Точка</i>	292
<i>Глава 6</i>	
<i>Дочь шайтана</i>	298
<i>Глава 7</i>	
<i>Сохранение</i>	304

<i>Глава 8</i>	
<i>Игла</i>	315
<i>Глава 9</i>	
<i>Роды</i>	322
<i>Глава 10</i>	
<i>Проводы</i>	333
<i>Глава 11</i>	
<i>Страх</i>	341
<i>Глава 12</i>	
<i>Пожар</i>	351
<i>Глава 13</i>	
<i>Пуповина</i>	353
<i>Глава 14</i>	
<i>Мама</i>	360
<i>Глава 15</i>	
<i>Дождь</i>	361
<i>Глава 16</i>	
<i>Двойняшки</i>	370
<i>Глава 17</i>	
<i>Порченная</i>	372
<i>Часть IV</i>	
<i>Глава 1</i>	
<i>Дома</i>	381
<i>Глава 2</i>	
<i>Прорвемся</i>	385
<i>Глава 3</i>	
<i>Ташкент</i>	393
<i>Глава 4</i>	
<i>Планы</i>	406
<i>Глава 5</i>	
<i>Развилка</i>	412
<i>Глава 6</i>	
<i>Карты</i>	416
<i>Глава 7</i>	
<i>Объяснение</i>	422

<i>Глава 8</i>	
<i>Известие</i>	429
<i>Глава 9</i>	
<i>Мальчики</i>	432
<i>Глава 10</i>	
<i>Лодка</i>	443
<i>Глава 11</i>	
<i>Турар</i>	457
<i>Глава 12</i>	
<i>Расплетая косы</i>	462
Благодарности.....	467
От автора.....	469
Генограмма Румии.....	470
Об авторе.....	473

Все совпадения случайны

Верность предкам, ставшая
бессознательной или невидимой
(невидимая лояльность), правит нами.
Важно сделать ее видимой, осознать,
понять то, что нас заставляет, что нами
руководит, и в случае необходимости
поместить эту лояльность в новые
рамки, чтобы обрести свободу жить
своей жизнью.

*Анн Анселин Шутценбергер.
Синдром предков*

Часть I

Глава 1

Отъезд

1997, поселок П. под Актобе — Оренбург

Город Руми́е всегда казался чужим. Как здесь одеваться, ходить, о чем уместно говорить, над чем смеяться?

Однажды, когда она была еще маленькой, с двумя рыжеватыми хвостиками, родители взяли ее к городским знакомым. Их сын, красивый мальчик с темными волосами, рисовал фломастерами. Заметив, что Румия на них смотрит, он сказал:

— Не трогай, у тебя на руки лягушки накакали!

Румия отдернула пальцы и представила, как берет темно-синюю пасту, которая когда-то вытекла из ручки в кармане папы, запачкав рубашку, и размазывает по чистому, белому лицу мальчика. А чтобы не услышать больше ничего обидного, убежала в другую комнату.

Мама говорила, Румию любит солнце. Хотя оно жжет ее бледную кожу и обсыпает в апреле противными конопушками. Повезло, что у нее они аккуратные, маленькие, будто наколоты иголочкой. Вон у соседского Руса веснушки словно нарисованы кистью — макнули в оранжевую краску, и точки расплылись в пятнышки. А может, это и правда от лягушек. Рус, как и она, ловит их в камышах затона. Только тот пугает зеленопузыми квакушками девчонок или бросается ими вместо камней, а Румия нежно гладит скользкую влажную кожу и отпускает.

Сейчас ей семнадцать и у нее коса каштанового цвета — лишь отдельные пряди по-прежнему блестят медью на солнце. Румия едет в город поступать в институт в сопровождении своей тети Мадíны. Та будто родилась в городе, хоть и выросла в поселке со старшей сестрой Айсулу́ — мамой Румии, а́та — дедушкой Румии и абíкой — ее бабушкой. У Мадины кожа цвета топленого молока, длинные тонкие пальцы, которые умеют складываться в изысканные жесты, и крашенные

короткие светлые волосы. «Жемчужного оттенка», — добавляет она и запрещает обращаться к ней «апа́» и «тетя». «Оры сиякты¹», — поджигает губы абики, когда Мадина нет рядом. Оглядывается и уважительно продолжает, переходя на русский: «Баба́й² не позволял обижать младшую дочь». При этом ее подбородок, с которого свисает кожа, как у большой важной жабы, едва заметно трясется. Амантая ата давно нет, но абики и сейчас боится, что он услышит.

— А мою маму тоже не позволял? — спрашивала Румия раньше.

— Иди, иди, не болтай тут, — ворчала абики.

Мадина перед отъездом осмотрела Румию с ног до головы: от черных туфель без каблуков до хвостика на макушке, стянутого резинкой, которую абики вырезала из велосипедной камеры.

— М-да... А нормальное есть что-нибудь на ноги? Кроссовки? Кто ж со спортивной туфли надевает?

Костюмом-же́ванкой — ярко-голубыми штанами и олимпийкой — Румия гордится. Папа выменял его у заезжих коммерсантов на старый велосипед. Абики раз попыталась погладить брюки — вовремя Румия увидела и выключила утюг. Кое-как объяснила, что ткань мягая специально: мода такая. Абики тогда недовольно покачала головой:

— И что, будешь ходить в неглаженном, как бишара́³?

Кроссовок, конечно, не было, и они поехали так: Румия в туфлях и костюме, ставшем вдруг тесным, Мадина — в платье и «лодочках».

Уезжали из дома абики, маленького и старого, с морщинами облупившейся краски на стенах, — он стоит через сарай от родительского, на другой улице. Абики в ночь перед отъездом, кажется, совсем не спала. Напекла пирогов с калиной,

---

¹ Как русская. — Здесь и далее приведен перевод с казахского языка, если не указано иное. — *Прим. ред.*

² Здесь: дед (*тат.*); пожилые женщины иногда называют так своих мужей.

³ ...побирушка.

завернула в газету. Сварила манную кашу и остудила, чтобы она загустела. Румие нравится есть ее прямо из жестяной миски, холодную и чуть пригорелую. Обычно абика за это ругала и заставляла перекладывать кашу в тарелку. Но сегодня сама протянула миску.

Все утро она посматривала в окно и вздыхала. Потом сказала:

— Больше учить тебя уму-разуму некому!

Долго рылась в сундуке и вытащила новые, еще жесткие, накрахмаленные носовые платочки.

— На, пригодится.

И погладила ее по руке.

Ласку абика проявляла нечасто, и Румие захотелось ее обнять, но та приняла строгий вид:

— Где Мадина́ опять? Иди посмотри.

Румия вышла во двор, прошла по выложенной щебнем кривой дорожке мимо грядок с морковкой и раскудрявленным чесноком, старой печки, обмазанной глиной, и будки Жолбары́са. Тот выскочил и стал прыгать, натягивая цепь. Румия присела.

— Жолба-арсик! Я уезжаю. Не грусти, хорошо?

Он поставил лапы ей на плечи, облизнул нос.

За сараем раздалось покашливание.

— Вы здесь? Абика ждет.

Румия обошла сарай и увидела Мадину. Та машинально спрятала руку за спину.

— Да успеем, чего торопиться! Вечно за час всех построит. И сколько раз тебе говорить: обращайся ко мне на «ты»! Посторожи от абики.

Она поднесла сигарету к губам. Румия встала так, чтобы видеть дорожку. Жолбарыс рвался с цепи и скулил.

Мадина затянулась, выпустила в воздух колечко дыма.

— А папка так и не пришел проводить?

Румия мотнула головой.

Докурив, Мадина запрятала бычок в трещине стены.

— Ладно, пошли!

У будки Румия снова погладила Жолбарыса. Абика стояла на крыльце:

— Где ходите?

— Мам, ну не наводи кипиш!

Абика с подозрением принялась.

— Мадина́, теперь ты за нее отвечаешь!

— Мам, ну сколько говорить, не Мадина́, а Мадина, так звучит современнее! Не беспокойся, присмотрю.

В доме сели на расстеленные на полу корпешки¹. Абика стала негромко и быстро читать молитву. Из потока непонятных слов Румия вылавливала знакомое с детства «Сирота мустахим², сирота мустахим, бисмилла». Почему в молитвах всегда говорят про сирот? Надо потом спросить. В конце абика перешла на казахский, назвала имена предков и пожелала доброго пути — ақ жол.

За забором ждала облезлая машина соседа дяди Бэрика. Румия села назад, рядом с его дочерью-студенткой. Со всех сторон их обложили сумками. Дядя Берик завел машину. Абика что-то сказала Мадине, та нетерпеливо отмахнулась.

Тут Румия увидела папу. Он торопливо шел, прихрамывая на правую ногу. Румия попыталась выйти, но помешали сумки. Папа через окно поздоровался за руку с дядей Бериком, открыл заднюю дверцу и заглянул внутрь. От него несло перегаром. Задержав дыхание, Румия чмокнула его в колючую щеку и улыбнулась.

Мадина стала усаживаться на переднее сиденье.

— Салют, Мадин! — сказал папа.

Она не ответила.

— Ой, забыл, — папа полез в карман поношенного пиджака, достал две смятые купюры, отдал Румие.

---

¹ Традиционный вид народного творчества у казахов (көрпе); покрывала на пол, нары или скамьи. Корпешки шьют из разноцветных лоскутов и набивают шерстью или другими материалами.

² Путь, ведущий к Всевышнему... (*искаж.* от «Сиратал Мустахим»); слова из мусульманской молитвы, которые ничего общего со словом «сирота» не имеют.

Потом притянул к себе и поцеловал в лоб. Ей захотелось плакать, но она опять улыбнулась.

— Пап, ты ко мне приедешь?

— Конечно, Румчик!

Он потрепал ее по волосам и отошел. Следом в салон просунулась абика. Она что-то шептала — Румия не расслышала, только видела, что глаза у нее влажные.

— Долгие проводы — лишние слезы, — сказала Мадина. — Всё, всё, не на войну едем. Мам, давай!

Дверь закрылась. Машина чихнула, запыхтела и поехала.

В дороге Румию мутило: так было всегда, когда она нервничала. Пару раз пришлось останавливаться. Она присаживалась на край дороги, мыла ладони и лицо водой из пластиковой бутылки. Через три часа прошли пограничные проверки: одну с казахстанской стороны, вторую — с российской. Румия заполнила миграционный листок на улице возле будки, неудобно скорчившись и положив его на рюкзак: вписала свои данные, подчеркнула цель въезда — «учеба». Люди в форме проверили автомобиль и сумки, поставили штампы на документы и впустили их в Россию.

На трассе дядя Берик пристроился за КАМАЗом:

— Скоро ГАИ, увидят казахстанские номера — докопаются.

Пост проскочили без остановки.

К обеду въехали в Оренбург. В окнах мелькали серые пятиэтажки, промбазы, кричащие яркими цветами вывески «Трикотаж оптом», «Все для дома», «Свежая рыба».

Когда проезжали через Урал, Мадина обернулась:

— Здесь мост обычный, а в центре — роскошный. Это как раз недалеко от института! Студенты в Зауральную рощу бегают на физкультуру.

За рекой чаще стали встречаться новые девятиэтажки.

— Иномарок меньше, чем у нас, — заметил дядя Берик, когда встали на светофоре.

Мадина хмыкнула:

— Зато культурно водят!

Включился зеленый свет, и не успела машина тронуться, как сзади стали сигналить. Дядя Берик усмехнулся, дернулся и поехал.

Вскоре они остановились у серого здания с высокими колоннами.

— Драмтеатр! — с гордостью сказала Мадина. — Я тебя потом туда свожу.

— Дальше сами. По Советской ездить нельзя, — объявил дядя Берик.

— Это как же мы сумки потащим? — возмутилась Мадина, но тут же сделала голос мягче. — Берик, сможешь?

Дядя Берик, кряхтя, вытащил две тяжелые сумки и пошел вперед. Румия схватила рюкзак, Мадина перекинула маленькую сумочку через плечо. Миновав квартал, они перешли по пустой дороге к высокому желтому зданию педагогического университета.

Дядя Берик поставил сумки.

— Давайте! Удачи, Румия!

— Спасибо! — сказала она, отряхивая штаны.

Он сплюнул на асфальт и вразвалочку пошел к машине.

Мадина поморщилась:

— Хорошо, что никто из знакомых не увидел меня с этим колхозником! Мда-а, — она посмотрела на потрепанные сумки и перевела взгляд на туфли Румии. — Надо было, конечно, сначала тебя переодеть и завезти вещи домой, но так полдня потеряем. Ладно, жди здесь, пойду узнаю, что там да как.

Румия села на здоровенную сумку, набитую книжками и продуктами. Высокие деревянные двери университета то и дело хлопали, выпуская студентов. Интереснее всего было смотреть на девушек — как на подбор высоких и стройных, в летящих юбках-брюках, обтягивающих джинсах, коротеньких юбочках. Румия в своем спортивном костюме и туфлях почувствовала себя как скотник дядя Салимжан, забредший однажды в валенках и малахае на Новый год в сельский клуб. Ноги ее затекли, спина взмокла, но снять олимпийку было еще хуже: футболка под ней была

с нарисованными утятами; сколько ни пыталась ее выбросить, абики не разрешила.

Наконец вышла Мадина.

— Ну, теперь ты практически абитуриентка! Завтра начнут заявления принимать. Поговорила с одним человеком, возьмут без проблем, — сказала она. — На иняз не получится, туда конкурс большой: победители олимпиад, выпускники спецшкол, блатные... А вот на химбио пока недобор. Но экзамены нужно сдать минимум на четыре: все же своих они будут брать в первую очередь, казахстанских — потом.

Она обмахнулась рекламной листовкой. Химия не была любимым предметом Румии, биология нравилась больше.

— Чего задумалась? — спросила Мадина. — Не бойся, мы тоже не лыком шиты! Ты же у нас умненькая, медалисткой стала бы, если б не Галина Мухтаровна! Ладно, поехали.

Мадина огляделась по сторонам, поправила блузку и пошла к невзрачного вида мужчине в очках:

— Добрый день, молодой человек! Не поможете донести вещи до остановки?

Мужчина удивленно потер переносицу и быстро заморгал. Пока он не опомнился, Мадина вручила ему сумки. Он нес, она тараторила рядом:

— А говорят, люди тут равнодушные! Я вот сразу вижу, кто так себе, а у кого добрая душа! Вы, случайно, не преподавателем работаете?

Их спутник молча потел и иногда тяжело вздыхал. Когда он затащил багаж в автобус, Мадина кокетливо вытерла ему лоб платком и что-то шепнула. Мужчина вышел, помахал с улицы, она послала воздушный поцелуй и звонко рассмеялась:

— Мечтай, мечтай, дорогой!

Ее изящная квартира так же странно смотрелась в обшарпанной пятиэтажке, как сама Мадина в ауле, когда, приподняв подол и выбирая, куда поставить ногу, шла в уличный туалет через скотный двор, где на каждом шагу попадались кучки куриного помета.

Румию она заселила в комнату своей дочери Жанель, уехавшей учиться в Питер. Здесь стояли застеленная ярко-розовым пушистым покрывалом кровать, письменный стол-книжка и старый комод с железными ручками. Окно выходило в пустынный двор, где бродил мальчик, время от времени бросая мяч в баскетбольную корзину.

В первый день ели то, что привезли от абики: беяши, айран, огурцы с помидорами. Во второй приготовили борщ. Румия помогла нарезать капусту и зелень.

— Нам это на неделю! В городе горячее варят только по выходным, в остальные дни некогда, — Магина попробовала бульон и добавила соли. — И вообще, за фигурой надо следить! Ты-то у нас худенькая, а в моем возрасте, — она втянула живот, — полнеют даже от воздуха.

Румия оглядела стройную фигуру тети, пытаюсь увидеть хоть один изъян. Ей хотелось быть такой же красивой и так же легко заговаривать с любым прохожим. Во время прогулок она смотрела в окна зданий и пыталась вышагивать, гордо неся свое тело, как Магина, которая без конца поучала:

«Румия, не шаркай ногами!»

«Не прыгай через канаву, обойди по дорожке».

«Не “кушать”, а “есть”!»

«Боже, Руми, ну что за привычка показывать пальцем, ты не в ауле!»

За следующую неделю она сшила Румие плиссированную юбку до колен и голубую блузку. Отвела в парикмахерскую, чтобы сделать короткую модную стрижку. Румие с новой прической было не очень комфортно, но Магина знала лучше. Интересно, что сказала бы Айка?

Подруга Айка решила учиться в Актобе на повара.

— Колледж! — узнав об этом, усмехнулась Магина. — ПТУ есть ПТУ. Придумали же! Раньше мы вообще говорили «каблуха»¹.

---

¹ Слово распространено в Самарской и Оренбургской областях, происходит, предположительно, от сокращения «КОБЛ» — «Куйбышевское областное (управление профтехобразования)».

При этом ей нравилось, что пединститут переименовали в университет.

Мадина помогала Румие во всем: оплатила подготовительные курсы, приносила на тарелке яблоки, когда та сидела над книгами, гоняла ее по таблице Менделеева, учила определять, с какой одеждой какую обувь носить и как не пропускать нужную остановку.

На первый экзамен, по химии, поехали на троллейбусе. Румия повторяла про себя формулы, Мадина без умолку говорила, и впервые в жизни пришлось ее перебить:

— Можно потише?

Мадина удивленно посмотрела на нее, совсем по-абикиному поджав губы. Стало неловко, и Румию затошнило.

— Я повторяла формулы, — виновато сказала она.

— Ничего, это нервы, — Мадина сняла с ее блузки пушинку. — Ты все знаешь лучше других!

От этих слов скрутило желудок.

Приехали рано, но перед кабинетом, где шел экзамен, уже толпился народ.

— Кто в первую пятерку? — выкрикнул бойкий темно-волосый парень. Он запомнился еще с курсов, потому что задавал много вопросов.

Четыре человека набралось сразу, потом все замолчали.

Мадина сжала Румие руку.

— Иди! Ни пуха!

— К черту! — пролепетала та и вызвалась пятой.

Через порог шагнула с правой ноги. В школе она сдала все экзамены легко, почти не волнуясь. Но тут медленно подошла к столу, еле переставляя ставшие вдруг тяжелыми ноги, осторожно взяла билет.

— На вас лица нет! — сказала женщина из комиссии, похожая на актрису из фильмов 60-х годов: с высокой прической и тонкой черной подводкой, протянувшей за уголки глаз. — Все нормально?

Румия кивнула. Учителя в их школе никогда не называли учеников на «вы».

— Мне сегодня больше обмороков не нужно! Тяните!

Румия прочитала вопросы.

— Можно сразу ответить?

— Пожалуйста.

Через пять минут женщина прервала ее:

— Достаточно.

Она что-то написала на листке и протянула. У Румии подкосились ноги, захотелось присесть.

— Воду? — спросила женщина.

Румия кивнула, едва отпила из протянутого стакана и вышла в коридор.

— Ну что, строгие? Валят? Что получила? — раздалось со всех сторон.

Румия дрожащими руками развернула листок. Буквы прыгали, и она никак не могла понять, где оценка. Мадина забрала у нее бумагу, быстро пробежала глазами и просияла:

— «Отлично»! Умница!

По толпе прошел восхищенный вздох.

На биологии Румия волновалась меньше и сдала ее тоже на «пять». Третьим значился диктант по русскому — по нему она впервые в жизни получила «четыре», в сомнениях поставив запятую не там.

Мадина первой углядела в списках поступивших фамилию «Сеитова»:

— Румия, золотце! Абика будет гордиться! Всем расскажу, что моя племянница учится в университете. Наши гены!

Тем же вечером Румия написала письмо:

Привет из Оренбурга, моя милая Айка!

Можешь меня поздравить, я поступила!

Хотела приехать домой до учебы, но абика сказала не тратить деньги. Пока буду жить у тети Мадины. А ты как? На дискотеки ходишь? Кого видела из наших?

Пиши.

Твоя Румия

Глава 2

ОЖОГ

1987, поселок П. под Актобе — Актобе

Наконец-то абика, приготовив лапшу на ужин, ушла к себе. Пока мама придет, час точно есть.

Румия накидывает кофту, надевает на колготки синие трикотажные гамаша и колючие шерстяные носки, на голову — пуховый платок, концы его скрещивает под шеей. Поверх всего — папину фуфайку: свое пальто в сарай неохота, провоняет навозом. Валенки с галошами тоже папины, ей выше колен. Дверь распаивается настужь, едва не срываясь от сильного ветра; мама вечно ворчит, что папа не поставит другую, покрепче.

Острый снег колет глаза и щеки. Солнце еле светит тусклым пятном. Перед сараем Румия падает — галоши скользкие. Морщится — ушибла коленку. Поднимает проволочное кольцо над калиткой, заходит в карду¹, затем в большой сарай. Нечаянно наступает на свежий кругляш навоза и зажимает пальцами нос. Корова лежа жует жвачку. Румия почесывает ей теплую, с мягкими складками, шею.

В загончике — овцы. Румия входит, захлопывает за собой легкую дверцу и ловит ягненка. Тот блеет, прижимаясь к стене, подныривает под баранов. Они тоже орут. Румия садится на колени, запускает пальцы в плотные кучеряшки. И чего раскричались? Она находит теплое тугое вымя овцы, подносит к нему ягненка. Тот начинает сосать, отрывается, снова блеет.

Румия захватывает с собой ковш зерна из ларя, идет в маленький сарай. Оттуда, едва не сбивая ее с ног, вылетают голуби. Они собираются здесь погреться.

— Натё, натё, — сыплет она зерно на дощатый пол.

Голуби слетаются снова.

---

¹ Загон для скота.

Когда их набирается штук двадцать, Румия захлопывает дверь.

А теперь ловить! Вот этот какой красивый, белый, с коричневыми пятнышками. Белые голуби самые аккуратные. Как будто знают, что отличаются от других. Она хватает его в верхнем углу сарая, под низким потолком. Голубь, пытаясь вырваться, машет крыльями. Румия бережно прижимает их к его телцу.

— Ну-ну, какой же глупый, я тебя не обижу! На!

Сует под клюв зерно на ладони. Тот только вращает круглыми глазами. Почему в кино голуби умные, даже пьют изо рта у хозяина. А эти!..

Абика ругалась, когда увидела, что Румия хватала голубей:

— Они же дикие! Заразу всякую приносят, не трогай!

Теперь Румия ловит их, когда дома никого нет.

— Ладно, лети!

Голубь резко взлетает и бьется о потолок.

Румия скрипит по снегу обратно в дом. Скучно. Айка заболела, не приходит уже неделю. Родители придут уставшие: «Руми, отстань! Без тебя голова кругом!»

Она садится за стол, берет карандаши и новый альбом. Может, сегодня мама будет веселая? Почему-то в последнее время она все время злится. Румия слышала, как абика говорила ей: «Нам нельзя мальчиков!» Мама тогда на нее кричала. Странно, про каких это мальчиков?

На листе возникают овал с острым подбородком, тонкие брови, растянутые в широкой улыбке губы, длинная шея с бусами, открытые плечи и руки, поясok, воланы наискосок на узком платье. Хотя мама улыбается только кончиками губ и не носит такое, ей бы точно пошло. Над головой папы Румия рисует лампочку на проводе, чтобы было понятно, какой он высокий. Острые уголки воротника рубашки, ремень на брюках. Абику рисовать сложнее всего: лицо у нее в морщинах, и, если сделать полоски, получается некрасиво, зато

у нее бешпет¹ с узорами. Лицо папы Румия обычно закрашивает морковным цветом, его кожа темнее всех. Себя она изображает в пышной юбке, как у принцессы. Все четверо — папа, мама, абика и Румия — веселые и держатся за руки. И не нужны им никакие мальчики.

— А-а-а, ма-ма!

Голос Румии прерывается, она уже не кричит, а воеет, взвизгивает, стонет, хрипит.

Мама хватается за нее и тащит к крану, сует красную ножку под холодную воду.

Румия ненадолго затихает и снова кричит:

— Больно!

— Вот зачем лезла? Все молоко разлилось!

— Я хотела помо-очь!

Румия рыдает, жгучая боль захватывает ее от мизинчика на опшаренной ноге до самого сердца. Прижимается к маме.

— Терпи, доча! О Боже, ну что я сделаю?

Хочется искушать ее. Как тут терпеть? Мамин халат от слез Румии становится мокрым. Она зарывается в пахнущие молоком складки и хватается зубами ткань. Боль-но. Боль-но.

В больнице всё грязных цветов. Стены, выкрашенные до половины темно-зеленой краской, серый с бурыми пятнами потолок, облупленные тумбочки с остатками синей эмали. Даже небо в окне — мутное, как вода в ведре санитарки после мытья полов.

Румия и себя чувствует грязной. Платье на ней то же, в котором ее привезла в город скорая: байковое, домашнее. Чешутся невытая голова с растрепавшимися косичками и обожженная нога. Абика говорит, когда чешется — заживает. Как же она заживет, если каждый раз, когда меняют повязку, сдирают кожу. Бинт присыхает к ране, и медсестра отрывает его вместе с запекшейся корочкой.

---

¹ Разновидность камзола, жилетка.

В больнице Румия ненавидит утро. Оно начинается со света лампы, бьющего прямо в глаза, и громкого голоса:

— На процедуры!

Румие хочется дальше лежать под колючим одеялом, но она встает, сует ноги в шлепанцы и плетется в кабинет с белой раскрытой дверью, из которого горько пахнет.

Медсестра разрезает повязку ножницами: ших, ших. Сейчас начнет драть. Румия заранее сжимает зубы и морщится.

— Ай!

— Не дергайся! Ух, какая нетерпеливая. Ты же большая девочка! Сколько тебе?

— Семь.

Медсестра бросает в ведро повязку с коричневыми пятнами, мажет ожог ярко-оранжевой мазью, которая чуть успокаивает боль, и туго обматывает ногу белоснежным бинтом. С Милой, соседкой Румии по палате, медсестра разговаривает по-другому, ласково, и касается ее ран осторожно. Может, все дело в том, что косички Милы аккуратно заплетены и одежду она меняет каждый день?

Вернувшись в палату, Румия пытается расчесать колтуны, пропуская их промеж пальцев, но волосы запутываются еще сильнее, а расчески у нее нет.

После обеда к Миле приходит мама. От нее вкусно пахнет шоколадной помадой, у мамы Румии такая была. Когда губнушка почти закончилась и ее стало трудно достать, мама выковыривала остатки спичкой с намотанной ваткой и водила ею по тонким губам. Румия тоже иногда залезала в помаду пальцем.

Мама Милы со всеми приветлива. Относит надписанные банки в жужжащий кривой холодильник и спрашивает, что принести в следующий раз. Перехватив взгляд Румии, протягивает большое красное яблоко:

— На, девочка! Как тебя зовут? Забываю постоянно. Рания?

Румия молчит.

Мама Милы кладет яблоко ей на тумбочку. Входит медсестра:

— У вас все хорошо?

Румия ложится и закрывает глаза.

Слышит шепот Милиной мамы и медсестры:

— Возьмите.

— Да вы же вчера давали!

— У вас работа тяжелая, берите.

— Ой, спасибо! Вам больше ничего не надо?

— Нет-нет! А к этой девочке из поселка так и не приезжают? Бедная... Как так можно?

Румия отворачивается, чтобы они не увидели слез, которые вот-вот выкатятся из-под ресниц.

«Почему не приезжают? — хочет сказать она. Громко и четко, как взрослая. — Мама недавно привезла апельсины. А папа — большую куклу. У Милы такой нет! Абика угощала всех эчпочмаками и сливовой пастилой! Ваша Мила лопала пастилу как миленькая. А моя мама в сто раз красивее вас и богаче! Она даст медсестре деньги, и та тоже станет со мной доброй. Думаете, я не знаю? Вы улыбаетесь, потому что Милина мама вам платит!»

Ну и что, что на самом деле никто не приезжал. Абика старая, не знает, как ездить в город, а у папы и мамы много работы. И не надо ее жалеть. Абика всегда говорит: зато мы честные.

Румия кусает губы, вспоминая, как обожглась. В тот день мама, придя с работы, первым делом увидела не ее рисунок, висящий на побеленной стене в прихожей, а перепачканные в навозе галоши. Она не ругалась, только сказала голосом, от которого у Румии заныл живот:

— Я в твои годы мыла полы, поливала огород, пасла телят. Ты растешь избалованной и неаккуратной!

Румия незаметно сняла рисунок с кривого гвоздика, скомкала и положила в карман.

Мама надела теплые штаны, растянутую домашнюю кофту, сверху — застиранный халат, взяла чистое ведро

и пошла доить корову. Полчаса спустя принесла парное молоко, пузырящееся, как газировка, процедила его через марлю в высокую кастрюлю, поставила на газплиту, села чистить картошку. Тут ее крикнули с улицы, и мама пошла узнать, в чем дело. Румия увидела, что в кастрюле поднимается белая пена, подбежала, стала мешать кипящее молоко ложкой — оно уже лилось через край и шипело. Румия схватила кастрюлю, хотела ее подвинуть, но отдернула пальцы. Кастрюля качнулась и стала падать. Завизжав, Румия отскочила.

Мама в скорой сказала: «Хорошо, что обожглись только ноги». А надо было просто выключить газ.

Румия перед сном расправляет смятый рисунок и кладет его под подушку. Мысли, как голуби, клюющие зерно, копошатся в ее голове. А вдруг за ней никто не придет? Как она тогда попадет домой? И почему мама перестала ее любить?

Ночью Румия просыпается. В горле будто застряло ядовитое яблоко. Колет в груди. Она хочет дотянуться до стакана с водой на больничной тумбочке. Хватает воздух и не может вдохнуть.

— Ап-ап, — силится разомкнуть губы. Они слиплись, как в страшной сказке. Дерево в окне машет руками-ветками, и слышится скрипучий голос:

— Ты ничего не умеешь!

— Мама! — шепчет Румия сквозь слезы. — Забери меня, я буду аккуратной.

Дома ослепительно выбеленные стены. Мама с абикой терпеть не могут пыль и бардак.

Дома шторы ярко-голубого цвета, как акварельная краска.

Дома можно ходить с голыми ногами, не бинтоваться и не сдирать новую кожу. Говорят, все равно останутся шрамы.

Дома не будет кошмаров. Здесь все родные рядом.

Глава 3

Общага

1997, Оренбург

— Руми, не обижайся, но у меня личная жизнь. Сама понимаешь.

Мадина встряхнула мокрую марлю и разложила на мужские брюки, которые принесли подшить.

— Да не, все нормально.

Румия выцепила взглядом из стопки неглаженого белья кружевной белоснежный бюстгальтер и мысленно сравнила его со своим, из плотной ткани в мелкий зеленый горошек.

Мадина изящно провела утюгом по штанине.

— И ездить легче будет. Отсюда целый час добираться. И потом — девчонки, мальчишки, романтика! Настоящая студенческая жизнь — именно в общежитии! Помню, как мы пели до утра под гитару, а как к экзаменам вместе готовились, эх...

Мадина замолчала, улыбаясь.

— А почему вы медсестрой не работаете? — прервала Румия ее мысли.

— На эти деньги не проживешь, моя дорогая! А шитье меня вытасило из нищеты. Но ты все равно учишь, когда-нибудь этот бардак кончится.

Вторая стрелка ушла не туда, и Мадина, смочив марлю, прогладила ее заново.

— У тебя должна быть профессия. Выйдешь замуж — кто знает, удачно или нет, но на хлеб с маслом всегда должна уметь заработать. Ничего, общага научит быть самостоятельной. Вот увидишь, тебе понравится!

— Да.

— Ну почему ты тогда такая?

— Какая?

— Смурная! Как мать твоя, когда ей что-то не нравилось. Вечно так же насупится — и пойдешь догадаться, что не так.

— Я... я просто не знаю, как там. Айка рассказывала, как в общаге педучилища девушку убили.

— Ну так это в Актюбинске!¹ И когда? Наверняка еще в начале девяностых. Да, тогда и грабили, и насиловали. Сейчас навели порядок. И потом училище — не институт! Просто не давай на себя наседать. Ты наивная слишком. Но это, увы, исправляется быстро. И одежду свою никому не давай, знаю общаговские привычки! Больше всего это меня бесило.

— Хорошо.

Мадина повесила брюки на дверцу шкафа и принялась за шелковую блузу. Убавила температуру на утюге, набрала из стакана полные щеки воды, брызнула на нежную лиловую ткань.

— И вообще, как тебе повезло! Я-то сюда после школы совсем одна приехала. А у тебя все-таки я есть. Что надо — подкажу, и голодной не останешься. Зацепишься в Оренбурге, будешь нормально жить, не то что в поселке. Ну за кого там выходить замуж? Выйдешь, начнется: келін² то, келін сё, принеси, подай, иди на фиг, не мешай! А тут — свобода! В детстве ты была смелая, похожая на меня. А после того, что случилось, тебя как подменили. Все, бери жизнь в свои руки. Больше абики не сидит под боком и не читает нотации!

Она передразнила абику, выпятив челюсть и сделав взгляд строгим. Румия улыбнулась.

— Знаешь, — продолжила Мадина, — я всем тут говорю, что татарка. Ну я же не вру, есть у нас татарская кровь! Вон и абики по-казахски болтает, а хочет, чтобы ее называли на татарский манер — эби! Хоть что-то от матери своей сохранить пытается. Кстати, мальчиков-казахов только в сельхозе много, но зачем они тебе: опять в аул ехать? В остальных институтах раз-два и обчелся! Я ж в студенческой поликлинике работала, знаю. А татар среди городских немало.

---

¹ Официальное название Актюбе до 1999 г. В народе город называли и Актюбинск, и Актюбе — по-казахски.

² Невестка.

В пединституте татарское отделение есть. Так что татарина найти больше шансов! Ты же даже светлее меня. Не зевай! И имей в виду: в политехе женихи круче.

Мадина повесила блузку в шкаф и показала на стопку вещей.

— Остальное сама догладишь? Тут осталось несложное. Я к соседке. Если за брюками придет мужчина, позовешь. Будет женщина — возьми деньги сама.

Переезжать решили в пятницу. Лифт в общежитии не работал. Румия с Мадиной, затаскивая сумки по бетонной лестнице, запыхались и взмокли.

— К сентябрю сделают, — пояснила комендантша, бодро перешагивая ступеньки впереди них.

— Солдафон, — так, чтобы она не слышала, процедила Мадина, поставила сумку на бетонную площадку между четвертым и пятым этажами и вытерла лоб. Передохнув, они снова взялись за перемотанные скотчем матерчатые ручки и после пары остановок поднялись на девятый этаж.

Комендантша затарабанила кулаком в дверь слева:

— Девочки!

Открыла невысокая девушка с термобигудями на голове. Поздоровалась и отступила, дав поставить сумку в узком коридорчике.

Комендантша, не разуваясь, прошла в большую комнату, за ней протиснулись Мадина и Румия. Внутри стояли четыре одинаковые кровати с железными дужками и покрывалами в ромбик. На одной, поджав под себя ноги, примостилась красивая светловолосая девушка, подводящая глаза маленьким черным карандашом.

— Здравствуйте! — сказала она.

За столом у окна спиной к вошедшим сидела крупная женщина. Повернувшись, она молча кивнула, не выпуская из рук книгу.

— К вам подселение! — гаркнула комендантша, и Румие захотелось спрятаться за ее спину.

Комната оказалась совсем не такой, как в общежитии, куда они недавно ходили с Мадиной, чтобы отнести старые вещи ее подруге: никакого развешанного на веревках белья и вонючих мусорных ведер в коридорах, орущих детей, пьяных мужиков. Здесь все было вполне цивилизовано: почти новые бежевые обои, большое трехстворчатое окно, на широком подоконнике — цветочные горшки. С одного свисали полосатые листья хлорофитума, как когда-то у мамы в кабинете литературы, в другом уютился крошечный кактус.

— Эта свободна, — показала на крайнюю кровать девушка с бигудями.

— Здесь хорошие девочки живут, никаких проблем не приносят! Не пьют, не курят, парней не водят, так, Кошицына? — сказала комендантша.

— Да-да! — с готовностью откликнулась девушка с бигудями.

Мадина выразительно посмотрела на Румию. Комендантша повернулась к ним:

— Шкафы общие, тумбы личные, телевизор и холодильник берут напрокат.

Она резко открыла тумбочку, и оттуда выпал журнал с моделью в купальнике.

— Я уберу! — воскликнула девушка с бигудями.

— Это крыло идеальное, тут преподаватели некоторые семьями живут, — комендантша многозначительно подняла палец вверх. — Кухня, санузел — все внутри. И не душ, а ванна, как в отдельной квартире! Где вы такое общежитие видели?

— Ой, спасибо, Тамара Петровна! — затараторила Мадина. — Мы в долгу не останемся. Румиюша наша тоже спокойная, отличница, ей бы только учиться!

Женщина за столом повернула голову, окинула Румию взглядом и поправила очки.

Когда комендантша ушла, Мадина осмотрела ванную, где на раковине стояла пол-литровая банка с зубной пастой и щетками и чистая мыльница. В узком туалете пахло

хлоркой, на кафельном полу лежала стопка газет. В кухне было несколько шкафчиков и холодильник с наклеенными листочками.

— Вы как питаетесь — в складчину или по отдельности? — спросила Мадина девушку в бигудях, которая везде следовала за ними.

— Вместе. Привозим и скидываемся. Продукты в холодильнике и в шкафу. Но сладости у каждого свои. Шоколадки точно лучше не трогать, это Алены.

— И портрет тоже ее? — усмехнулась Мадина, кивнув на листок с нарисованным ручкой профилем, приклеенный к холодильнику рядом с какой-то таблицей.

Они с Румией стали доставать из сумки замороженное мясо, бутылку топленого масла, бледно-зеленые помидоры с огорода (им следовало доспеть на подоконнике) и кабачок. Девушка наблюдала.

— Остальное сами разберете, — сказала Мадина.

Румия вышла ее проводить. Они спустились по лестнице, и стук каблуков Мадины отдавался эхом. Хотелось кинуться ей на шею, умолять, чтобы разрешила жить с ней. Румия была согласна мыть посуду, убираться, научиться готовить...

— Ты давай тут пошустрее! — Мадина, брезгливо морщась, перешагнула лужицу на полу. — Первая девочка — простушка, но будет тех слушаться. А эти две крови попьют. Я таких чую за километр. Не прогибайся, поняла? — она поцеловала Румию в щеку. — Ну все, давай, если что, звони мне днем на работу. На вахту подойдешь, попросишь. Телефон записала, комендантше сказала, чтобы за тобой присматривала, больше ничего не забыли? Вроде нет. Пока!

Она потрепала Румию по щеке и поцеловала.

Румия смотрела на нее в окно холла, пока она не вернула за угол. Тогда Румия взбежала по лестнице и из окна второго этажа, что выходило на проезжую часть, снова нашла фигурку в кардигане лимонного цвета. Когда Мадина превратилась в желтую точку и смешалась с толпой на остановке, Румия вернулась в комнату.

— Общую дверь за собой захлопывай, когда выходишь! Или в пещере родилась? — девушка, которая до этого красилась, оказалась очень высокой и несколько растягивала слова.

Она расчесывала перед зеркалом длинные русые волосы. Глаза большие и круглые, с загнутыми ресницами, как у нарядной детсадовской куклы, которую давали, только чтобы сфотографироваться, а потом убирали на высокий шкаф. Румия почувствовала себя маленькой, некрасивой и спрятала руки в карманы кофты.

— У тебя голос есть? Как зовут? — девушка смотрела на нее через зеркало.

Румия назвала имя и одернула футболку, слегка задрвшуюся на спине.

— Татарочка?

— Казашка.

И сразу, чтобы избежать долгих расспросов:

— А тебя как зовут?

— Алена. А тетя твоя кто?

— Как кто?

— Ну, она так одевается ништяк. Откуда шмотки?

— Сама шьет.

— Да ну! Ничего себе.

— А меня Наташа зовут! — приветливо сказала другая девушка, уже снявшая свои бигуди. — Мы все третьекурницы, учимся вместе. А ты только поступила?

— Да.

— Это Таня, — Наташа показала на женщину, которая так и читала, не обращая на них внимания. — Ты, наверное, из Соль-Илецка или Акбулака? Обычно казахи оттуда.

— Из Казахстана.

— Ого!

— А что, у вас своих универов нет? — спросила Алена.

— Есть. Просто здесь тетя.

— И как вы там живете? В юртах?

— В обычных домах.